

ГРЕЧЕСКИЙ ЭМПОРИЙ В ЭТРУССКОМ ПОРТУ

Античная традиция сохранила немало упоминаний о конфронтации этрусков с греками, о их торговом соперничестве и борьбе на морях¹. Некоторые данные относятся к поселению греков в этруских городах. Так, сообщается о переселении в Тарквинию коринфянина Демарата, который будто бы был отцом шестого римского царя Сервия Туллия².

Эти разрозненные и полулегендарные сведения ныне вписываются в обширный археологический и эпиграфический материал, добытый в ходе раскопок порта Тарквинии — Грависки. Правильное отождествление Грависки с современным Порто-Клементино принадлежит Дж. Деннису, который посвятил Грависке специальную главу своего труда, где впервые не только рассмотрел скудные сведения античных авторов об этом городе, но и дал описание единственного не требующего раскопок памятника этрусского происхождения — клоаки, сложенной из массивных каменных блоков³. Эта верная локализация позднее оспаривалась, и исследователи одно время склонялись к мнению, что Грависка находилась южнее Порто-Клементино, на месте папских солеварен⁴.

¹ *Немировский А. И.* Этруски в греческой литературе и историографии. — ВДИ, 1976, № 3, с. 79 сл.

² *Polyb.*, VI, 2, 10; *Tac.*, Ann. XI, 14, 2; согласно Плинию Старшему (N. H. XXXV, 12, 152), вместе с Демаратом в Этрурию прибыли коринфские художники Эвхейр и Эвграммос.

³ *Dennis G.* Cities and Cemeteries of Etruria, I. L., 1883, p. 432.

⁴ *Nissen H.* Italische Landeskunde, II. B., 1902, S. 331.

Раскопки в районе римской колонии Грависки, основанной, согласно традиции, в 181 г. до н. э. (Liv., XL, 29, 1, Vell. Pat., I, 15, 2), начались в 1969 г. и продолжаются без перерыва более десяти лет. Первая публикация появилась в 1971 г.⁵ Сведения о дальнейших открытиях даны в статьях руководителя раскопок М. Торелли⁶. Первое в нашей литературе краткое сообщение об открытиях в Грависке содержится в обзоре Л. С. Ильинской, опубликованном в 1973 г.⁷

Главное внимание исследователей сосредоточилось на храмовом участке площадью около 70 кв. м, примыкавшем к дороге шириной до 5 м. Ее отрезки выявлены и в других местах. Расстояние от храма по этой дороге до предполагаемой гавани было не более 300 м. Керамические находки и другие данные показали, что храм функционировал с 600 по 250 г. до н. э. Это время может быть подразделено на три эпохи: 1) 600—480 гг. до н. э., 2) 480—400 гг. до н. э., 3) 400—250 гг. до н. э.⁸ Нас будет интересовать архаическая эпоха существования храма и поселения.

Об организации культа в храме свидетельствуют выявленные алтари, углубления для возлияний и колодцы. В главном из колодцев обнаружена гидрия VI в. до н. э. из бело-розовой зернистой глины с греческой надписью на ионийском диалекте: ὄβριη μετρίη (мерная гидрия), что свидетельствует об измерении жидкостей культового назначения с помощью эталона. Среди votивных предметов должны быть отмечены обломок шкатулки из слоновой кости с резьбой, изображающей богиню, сидящую на складном стуле, и стоящего перед нею почитателя, раковина с остатками краски, две бронзовые статуэтки богини типа промахос — обе они датируются 580—570 гг. до н. э. Примечательна находка бронзовой лодочки, столь характерной для нурагической культуры Сардинии. Многочисленные находки этих предметов на территории Этрурии заставляют задуматься о характере отношений, связывающих этрусков с Сардинией⁹.

Посвятительные надписи говорят о том, что в храме почитались преимущественно женские божества: Афродита (Туран), Гера, Деметра, отождествленная, как стало ясно из данных Грависки, с этрусской богиней veī. Из мужских божеств почитался Аполлон, очевидно, как паредр Афродиты. Афродите (Туран) посвящен древнейший неф, занимавший центральное положение в святилище. В этом нефе обнаружены три votивных килика с греческими надписями на ионийском диалекте и кратер с этрусским посвящением Туран (tununguns), а также множество предметов, относящихся mundus muliebris (в том числе модели женских гениталий и статуэтка обнаженной пероудлы в σχήμα πορνικόν). Наличие в Грависке храмовой проституции не вызывает сомнений.

На дне некоторых киликов обнаружены граффити с именами посвященных, написанные в большинстве на ионийском диалекте греческого языка. Сосуды и надписи относятся к последней четверти VI в. до н. э. Эти граффити характеризуют многоплеменное население портового города Грависки и даже социальный состав посвященных. Вот эти имена: Ἀλέξανδρος, Ἀγλαδής, Εὐδῆμος, Θεμισταγόρας, Ὑβλήσιος, Ἀθηδαός, Ὀμβρικός, Πακτύης¹⁰.

Наибольший интерес представляют три последних имени. Присутствие умбров на территории Этрурии до сих пор было известно лишь из одной пояснительной этрусской надписи на коринфско-этрuscoм кратере из Цере, находящегося ныне в Луврском музее. Л. А. Ельницкий воспроизвел этот рисунок в своей книге и убедительно интерпретировал имя Омре-

⁵ Torelli M., Rasmussen T., Lilliu G. Gravisca. — NSc, XXV, 1971, p. 196.

⁶ Torelli M. Il santuario di Hera a Gravisca. — PP, XXVI, 1971, p. 44 S.; *idem*. Il santuario Greco di Gravisca. — PP, XXXII, 1977, p. 398 s.

⁷ Ильинская Л. С. История и культура античной Италии и Рима в свете археологических открытий последнего десятилетия. — ВДИ, 1973, № 1, с. 191 сл.

⁸ Torelli, Il santuario greco..., p. 400 s.

⁹ Lilliu G. Navicella di bronzo Protosarda da Gravisca. — NSc, XXV, 1971, p. 289 s.

¹⁰ Torelli. Il santuario greco..., p. 407.

χομ = Ὀμ(β)ρικός как рабское, происходящее от этника ¹¹. Однако он не обратил внимание на то, что Омрик вооружен палкой, которой колотит пляшущих рабов. Также и М. Торелли ошибочно толкует Омрика как пляшущего сатира ¹². Возможно, умбрские рабы играли у этрусков ту же роль, какую у греков — скифы, а у римлян — германцы: они были стражниками и палачами. Если в надписи на луврском кратере слово «Умбр» написано по-этрасски с пропуском *беты*, отсутствующей в этрусском алфавите VI—II вв. до н. э., то в надписи из Грависки имя Умбр имеет греческое написание, ничем не отличающееся от этнонима «умбры» у Геродота (I, 94) и других греческих авторов ¹³.

Имя Пактий, если мы не ошибаемся, — первое чисто лидийское имя, засвидетельствованное надписями на территории Этрурии. Человек с таким именем, согласно Геродоту (I, 153—154), был хранителем сокровищ Креза, поднявшим после его гибели восстание против персов.

Однако наибольший интерес представляет имя Λήθος. С тех пор как изучается проблема пеласгов, делаются попытки отыскать параллели тем четырем именам, с которыми этот народ впервые вступает в историю в гомеровском каталоге кораблей: Ἴπποδοός, Πολαίος, Λήθος, Τεύταμος (II, II, 840—843). Поскольку первые два имени не имеют какой-либо пеласгийской специфики и звучат как греческие, внимание исследователей сконцентрировалось на именах Τεύταμος, Λήθος. Имя Τεύταμος как пеласгийское известно другим греческим авторам, жившим после Гомера ¹⁴. В соответствии с сообщениями о переселении пеласгов в Тиррению в античной антикварной литературе появляются сведения об обитании там племени тевтанов или тевтов. Среди версий об основании города Писы, на границе между Этрурией и Лигурией, присутствует одна, согласно которой тевтаны, или тевты, — народ, говоривший на греческом языке, жил на месте Писы или рядом с нею (Serv., Aen. X, 179). Тевтаны известны и Плинию Старшему, сообщающему об основании Луны близ Писы греческим народом, потомками Пелопида или Тевтана (Plin., N. H. III, 50).

Имя Λήθος не находило столь широкого лингвистического резонанса. Оно не представлено в ономастике, а только лишь в гидронимике ¹⁵. Теперь же оно отыскалось на территории, которая, согласно почти единодушному мнению античной литературной традиции, до появления тирренов была заселена пеласгами (Dion. Hal., I, 17—19, 21; Strabo, V, 2, 3; Plin., N. H. III, 57).

Присутствие имени Λήθος в Этрурии, на наш взгляд, — факт исключительной важности, свидетельствующий, наряду с упоминаниями тевтанов (теутов), о пеласгийском присутствии в этом регионе ¹⁶. Обратим в этой связи внимание на группу имен с основой leth-, которые никем из исследователей не сопоставлялись с гомеровским пеласгийским именем Λήθος. Имена с этой основой — lethe, lethi, lethia — выделены в этрусской эпиграфике Э. Феттером, установившим, что они принадлежали ли-

¹¹ Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, с. 104 сл.

¹² Torelli. Il santuario Greco..., p. 403.

¹³ Ср. Ktes., FGrH 688 F 59.

¹⁴ Согласно Аполлодору (II, 4, 4), Тевтам (Τεύταμος) был царем Ларисы, города с чисто пеласгийским именем. По Диодору (IV, 60, 2), Тектам (Τεχταμος), сын Дора, внук Эллина, направился вместе с эолийцами и пеласгами на о-в Крит. Полиену (IV, 8, 2) известен сиканский царь VI в. до н. э. с именем Тевтам.

¹⁵ Имя Λήθαϊος носят четыре реки на юге Крита, в Фессалии и в Карию. На этом основании В. Георгиев, сопоставив Λήθαϊος с λίθος толковал эти гидронимы как «каменный ручей» (Georgiev V. Die altgriechische Flussnamen. Sofia, 1958, S. 31). Э. Норден сопоставил имя и гидронимы — Λήθος, Λήθαϊος с названием реки подземного царства Λήθη (Norden E. Altgermanien. Lpz, 1934, S. 286).

¹⁶ М. Торелли не сопоставил Λήθαϊος с гомеровским Λήθος, отметив лишь, что существуют реки с названием Λήθαϊος (Torelli. Il santuario greco..., p. 407). А. Ван Виндекенс, последний исследователь Λήθος даже не упоминает об италийской реплике: Windekens A. van. Nouveaux arguments en faveur de la these pelasgique. — В сб. в честь акад. В. Георгиев. София, 1980, с. 146 сл.

цам зависимого положения¹⁷. Эту точку зрения поддержал Л. А. Ельницкий, считавший, что *lethe*, *lethia* — своего рода клички рабов¹⁸. Наше толкование имени *Ληθάος* как пеласгийского не исключает вывода, сделанного Э. Феттером и поддержанного Л. А. Ельницким, а дополняет его. Широкое распространение имен *lethe*, *lethi* среди рабов или зависимых лиц может быть объяснено тем, что это были имена, бытовавшие среди этнической группы, поработанной завоевателями-тирренами. Согласно традиции, тиррены захватили города, принадлежавшие пеласгам. Естественно предположить, что пеласги были превращены в пенестов. Пеласгийское происхождение зависимого населения Этрурии наиболее удовлетворительно объясняет применение Дионисием Галикарнасским этого термина в связи с рассказом об этрусках.

Итак, по крайней мере два имени посвяителя в архаических греческих граффити, возможно, относятся к рабам или пенестам. Еще одно более позднее посвящение Туран также принадлежит рабине по имени Рамфа¹⁹. Участие рабов Грависки и округа этого города в культуре женского божества имеет достаточно известную римскую параллель. В Риме праздник Дианы в храме, основанном, по преданию, Сервием Туллием, считался «днем рабов»²⁰. В свое время мы высказали предположение: «Может быть, при объяснении социального смысла праздника Дианы следует исходить из того, что в древнейшее время рабы были допущены к культуре Дианы и других материнских божеств²¹. Теперь можно было бы уточнить: «в древнейшее этруское время».

Как бы ни были интересны надписи и предметы, связанные с греко-этрусским культом женских богинь в Грависке, все же наиболее значительным документом, выявленным в этом городе, является мраморный²² *ciprus* с греческой надписью: это стесанная с двух сторон плита высотой в 115 см, шириной в 37 см в нижней части и 18 см в верхней. Толщина камня в центре, где она наибольшая, — 18 см, а по краям — 15 см. Археологический контекст не позволяет датировать камень с надписью, поскольку он был вторично использован в IV в. до н. э. для покрытия водостока. Все датирующие сведения мы черпаем из надписи, выполненной крупными буквами (7—8 см) по всей поверхности камня, кроме его верхней части: Ἀπολῶν|ος Αἰ|γινά|τα ἐμ|ί. Σὸστ|ρατος|ἑποικεε| ho [---]²³.

Шрифт надписи М. Торелли считает типично эгинским: поперечная черточка *альфы* обращена с левого угла вправо и вверх|Δ, *лямбда*, как во всех эгинских надписях, в отличие от аттических, имеет форму λ, горизонтальные черточки *эпсилон* несколько наклонены ε, *ми* расширена μ, и только *сигма* имеет очертание, совершенно отличное от того, которое характерно для многочисленных эгинских надписей VI в. до н. э. — ζ. Диалект надписи — дорийский. Эгинский характер письма и диалекта дополняется эпитетом Аполлона Αἰγινάτα.

¹⁷ Vettar E. Die etruskischen Personennamen *lethe*, *lethi*, *lethia* und die Namen unfreier oder halbfreier Personen bei den Etruskern. — Jahreshefte Ost. Arch. Inst. XXXVII, 1948, S. 75 f.

¹⁸ Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме. М., 1964, с. 105, прим. 8, 109, 116.

¹⁹ Torelli. Il santuario greco..., p. 422.

²⁰ Servorum dies — Fest., p. 432 L.; Plut., Qu. Rom. 284.

²¹ Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964, с. 72.

²² Из белого среднезернистого мрамора с поблескивающими внутри кристалликами и тончайшими голубоватыми прожилками. По всей видимости, это мрамор с о-ва Накоса (Gianfrotta P. Le ancore votive di Sostratto di Egina e di Faillo di Crotone. — PP, XXX, 1975, p. 312).

²³ Русский перевод должен учитывать следующие варианты: «Я (изображение, символ, посвящение или какой-либо предмет) Аполлона Эгинского». Или: «Я (принадлежу) Аполлону Эгинскому». Или: «Я (посвящен) Аполлону Эгинскому». Вторая фраза: «Меня сделал Сострат, сын...».

Каким образом камень с надписью, всем своим содержанием связанной с Эгиной, попал в Этрурию? Открыватель памятника М. Торелли связал форму камня и содержание надписи со свидетельствами античной традиции о конусовидных колоннах Аполлона Уличного и высказал предположение, что мраморный столбик Сострата и есть Апполон Уличный²⁴. Однако знаток античных якорей П. А. Джанфротта привел убедительные параллели, не оставляющие сомнения, что перед нами якорный камень²⁵. В настоящее время выявлено более полусотни каменных якорей. Некоторые из них тоже имеют надписи — посвящения богам. Обломок якорного камня из Эгины, родины Сострата, содержит посвящение Афродите: [Ῥ]Αφροδίτ[α] [Ῥ]Επίλιμν[α]. Он найден близ Эгины на морском дне, неподалеку от эгинского храма Афродиты²⁶. Другой якорный камень, найденный в 1934 г. в море между мысом Колонна и мысом Чиммити, содержит не только теоним Зевс Мелихий, но и имя посвятителя ФаЕλλος. Высказано предположение, что это знаменитый Фаилл из Кротона, трижды победитель на Пифийских играх, принявший участие в битве при Саламине на собственном корабле (Herod., VIII, 47, 2; Paus., X, 9, 2)²⁷. Независимо от того, верно ли это предположение, имя жертвователя на якоре в любом случае должно принадлежать владельцу корабля.

Находка якорного камня с посвящением Аполлону Эгинскому — первое эпиграфическое свидетельство о связи Этрурии с Эгиной, имевшей в в греческом мире исключительное значение как центр мореплавания и торговли. Роль обитателей этого маленького островка в развитии морского дела была столь велика, что Геродот (frg. 76) приписал им изобретение парусных судов. Геродот неоднократно говорит об эгинцах в связи с греческой торговлей и колонизацией и борьбой за господство в тех или иных районах Эгейды. Исходя из недостаточных ясных сообщений Геродота (II, 178—179) об участии Эгины в основании Навкратиса, старые исследователи пришли к выводу, «что Эгина сама не принимала участия в колонизации в собственном смысле этого слова, так как те местности, в направлении которых распространялась торговля Эгины, были либо до того времени заняты греками или находились во владении восточных держав»²⁸. Однако Страбон говорит с полной определенностью об основании эгинцами двух колоний в земле омбриков²⁹. Археологические исследования показали, что речь может идти об основании во всяком случае одной из этих колоний на Адриатическом побережье Италии, в Адрии, где были обнаружены типичные эгинские граффины³⁰.

Значение Эгины как торгового центра подчеркивается еще одним хорошо известным фактом: она первая из греческих государств стала чеканить серебряную монету (Strabo, VIII, 6, 16). «Черепахи», как в просторечии назывались эгинские монеты с изображением этого священного животного Аполлона Дельфиния, стали основой денежно-весовой системы, принятой также и в Аттике до реформы Солона³¹.

²⁴ *Torelli*. Il santuario di Hera..., p. 57—58. Такого же мнения придерживается: *Harvei F.* Sostratos of Aegina.— PP, XXXI, 1976, p. 207.

²⁵ *Gianfrotta P.* Le ancore votive di Sostrato di Egina e di Faillo di Crotona.— PP, XXX, 1975, с. 311 сл.; см. также *Johnston A. W.* The Rehabilitation of Sostratos, PP, XXVII, 1972, p. 416 ff.

²⁶ *Gianfrotta*. Op. cit., p. 315. Материал якорного камня—также мрамор. Судя по форме букв, этот якорь относится к середине V в. до н. э. Экземпляры якорных камней из Метапонта датируются VII—VI вв. до н. э.

²⁷ *Gianfrotta*. Op. cit., p. 317.

²⁸ *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. B. I, 1 Abt. B.—Lpz, 1926, S. 279.

²⁹ *Strabo*, VIII, 6, 16. Страбон не уточняет, в какой части обширной земли омбриков были основаны колонии Эгины. Его сведения об Эгине, по всей видимости, восходят к Эфору. Это видно из ссылки на Эфора в этом же параграфе в связи с сообщением о первой чеканке эгинским правителем Федоном монеты.

³⁰ *Colonna G.* I Greci di Adria.— Rivista Storia dell'Antichità, I, 8—10. Ср. *Guarducci M.* Adria e gli egineti.— Scritti storico-epigrafico in memoria di M. Zambelli, 1978, p. 175—180.

³¹ *Казаменова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969, с. 35 сл.

Однако вернемся к нашему эгинцу Сострату, который по известным пока обстоятельствам оказался в этрусском порту и оставил там якорь своего корабля. Удивительным образом, единственный эгинский торговец, известный Геродоту как самый богатый из эллинов, носил то же имя — Сострат, сын Лаодаманта. Рассказывая о плавании самосца Колея в Египет и о том, что корабль неожиданно для греческих мореходов был отнесен за Геракловы Столбы, в тогда еще неизвестный Тартесс, Геродот пишет: «Тогда эта торговая гавань еще не использовалась никем, благодаря чему они (самосцы. — *А. Н.*) по возвращении назад, насколько мы знаем, извлекли прибыль большую, чем все эллины, правда, после Сострата, сына Лаодаманта. С этим ведь не может состязаться никто»³².

Насколько нам известно, большинство исследователей, сопоставлявших надпись Сострата из Грависки со свидетельством Геродота о богатом эгинце Сострате, сыне Лаодаманта, пришли к выводу, что это то же лицо. Открыватель надписи М. Торелли признал в Сострате «одного из тех торговцев, которые разбогатели на торговле с испанским Эльдорадо», т. е. Геродотова Сострата³³. С. Москати тоже считает, что «персонаж надписи Сострат, по всей вероятности, идентичен тому, чье имя известно Геродоту как принадлежащее наиболее крупному греческому торговцу всех времен»³⁴. То же мнение высказано в комментариях к изданию надписи в «Греческой эпиграфике» М. Гвардуччи³⁵. М. Паллоттино в последнем издании своего классического труда также поддерживает эту гипотезу³⁶. Вариантом этого взгляда является суждение Ф. Гарвея о том, что Сострат надписи мог быть братом, сыном, одним словом, членом торгового дома, возглавлявшегося Геродотовым Состратом³⁷.

Присутствие эгинца Сострата в Этрурии проливает свет на группу фактов, связанных с появлением там аттической керамики, и само объясняется ими. Как выяснено, после 550 г. до н. э. в Этрурии коринфская и ионийская керамика сменяется чернофигурной аттической. Этот факт был уже известен старым исследователям, которые, однако, не находили ему правдоподобного объяснения. Трудно себе представить, что распространителями аттической керамики в Этрурии после 550 г. до н. э. были фокейцы, с которыми этруски начиная с того же времени вели борьбу не на жизнь, а на смерть. С другой стороны, нет оснований думать, что аттическая керамика доставлялась в Этрурию самими афинянами. Ж. Валле, резюмируя взгляды своих предшественников, привел следующие доводы против возможности посещения берегов Этрурии аттическими мореходами: 1) отсутствие у афинян до V в. до н. э. знаний о странах, расположенных за Мессинским проливом, 2) отсутствие у Афин политических отношений с этими странами³⁸. Но на основании этих фактов полагали, будто афиняне, тесно связанные с Сиракузами, использовали сицилийские, прежде всего сиракузские корабли для доставки в Этрурию своих товаров. В подтверждение гипотезы о такой транзитной торговле ссылались на дорийский характер нескольких надписей на аттических сосудах из этрусских гробниц и на наличие в Сицилии афинских монет при отсутствии их в Этрурии.

Существуют, однако, достаточно убедительные доводы против мнения о транзитном пути аттической керамики через Сицилию в Этрурию: не-

³² *Herod.*, IV, 152, 3: μετά γε Σώστρατον τὸν Λαοδάμαντος Αἰγινήτην· τοῦτω γὰρ οὐκ οἶα τε ἐστὶ ἐρίσαι ἄλλον. Слово μετά употребляется в значении сравнительном, а не временном, — поэтому «после» в нашем переводе не означает, что Сострат был в Тартессе до или после самосцев, а что по получении прибыли самосцы уступали Сострату.

³³ *Torelli. Il santuario di Hera.*, p. 65.

³⁴ *Moscatti S. Italia sconosciuta.* Milano, 1973, p. 140.

³⁵ *Guarducci M. Epigrafia Greca*, III. Roma, 1975, p. 23.

³⁶ *Pallottino M. The Etruscans.* L., 1975, p. 112.

³⁷ *Harvey F. Sostratos of Aegina.* — *PP*, XXI, 1976, p. 207.

³⁸ *Vallet J. Zancle et Rhegion a l'Epoque archaïque.* P., 1958, p. 169 suiv.

многочисленность аттического импорта в Сицилии и его поздний характер, малая вероятность того, что богатые коринфские колонии Сицилии нуждались в роли посредника в торговле аттическими вазами.

Таким образом, вопрос о путях, какими аттическая керамика проникла в Этрурию, оставался неясным. Для его решения использовались также пометки торговцев на расписных вазах аттического происхождения, собранные и опубликованные А. Хаклем в начале нашего века³⁹. Ионийские особенности написания букв как будто говорили о том, что выгоды от торговли доставались не афинянам, на чьей родине производилась керамика, а ионийским — самосским и милетским — торговцам, пользовавшимся транзитным путем через Сибарис и Регий⁴⁰.

Раскопки Пирги, Аквароссы, Грависки и других центров Этрурии дали такой значительный керамический материал, что стало возможным использование статистических подсчетов. В храмовом комплексе Грависки между 575 и 550 гг. до н.э. 65% общего числа керамического импорта составляла керамика Восточной Греции и 35% позднекоринфская. В период между 550 и 500 гг. до н.э. керамика Восточной Греции составляла 27%, аттическая керамика 70% и лаконская керамика — 3%⁴¹. Такое же соотношение керамического импорта с некоторыми отличиями присуще Этрурии в целом. Между 600—575 гг. до н.э. аттическая керамика составляет там 14% всей керамики, между 575 и 500 гг. — 28%, между 550—525 гг. — 80% всей керамики. В это же время доля коринфской керамики существенно уменьшается — 25%, 12%, 12% и 0 (для 500—525 гг. до н.э.). Доля керамики из Восточной Греции соответственно падает с 75% до 16%. Резкое увеличение доли аттической чернофигурной керамики между 550 и 525 гг. до н.э. характерно и для фокейской, т.е. восточногреческой колонии Массилии, где между 550 и 525 гг. до н.э. она составляет 49% всего керамического импорта, а ионийская керамика — 51%.

Таким образом, речь идет не о изолированном факте, а о широком явлении, требующем объяснения. — о росте или (для Грависки) полном преобладании ввоза аттической керамики между 550—500 гг. до н.э. при отсутствии сведений об участии аттических торговцев в торговле с этим регионом. Кто же тогда торговал этой керамикой?

Открытие надписи Сострата заставило обратить внимание на группу аттической керамики — около ста экземпляров — с торговой меткой ΣΟ, характер которой может быть определен как эгинский. Все они происходят с территории Этрурии и относятся к 535—505 гг. до н.э. А. Джонстон предположил, что указанная метка принадлежит Сострату надписи на мраморной столбе, идентичному Геродотову Сострату, сыну Лаомедонта, и что, таким образом, торговля аттической керамикой составляла основу богатства Сострата⁴². Развивший положения А. Джонстона Ф. Гарвей еще более категоричен в своих суждениях: он уверен, что только керамика была для Сострата источником его огромных богатств, а к торговле с Тартессом Сострат не имел никакого отношения⁴³.

ΣΟ — не единственная торговая метка на аттической посуде 535—505 гг. до н.э. в Этрурии. Другие метки также обнаруживают особенности эгинского письма. Таким образом, эгиняне торговали аттической керамикой (сама Эгина не производила керамики, пригодной для экспорта).

³⁹ Hackl A. *Merkantile Inschriften auf attischen Vasen.* — Münchner archäologische Studien. München, 1909.

⁴⁰ Valle. *Op. cit.*, p. 177.

⁴¹ Martelli M. *Statistica delle impottazioni greche in Etruria.* — SE, XLVIII, 1979, p. 38.

⁴² Johnston. *The Rehabilitation of Sostratos*, p. 419 ff.

⁴³ Harvey. *Op. cit.*, p. 241. К такому же выводу приходит К. Тронкетти, основываясь на том, что свидетельство Геродота не содержит прямых указаний о торговле Сострата с Тартессом (*Tronchetti C. Una precisazioni su Sostrato ed Erodoto IV*, 152. — PP, XXX, 1975, p. 366—368).

Итак, Сострат не был в Этрурии монополистом по продаже аттических сосудов, и можно считать исключенной возможность того, что он был обязан своим богатством этой торговле. Но если бы он и держал в своих руках всю эту торговлю, она не могла бы дать ему такой барыш, чтобы затмить самосцев, торговавших с Тартессом. Геродот действительно не указывает на то, что богатство Сострата имело тартесское происхождение, однако он вспоминает о Сострате в связи с рассказом о сношениях греков с Тартессом, и это заставляет думать об ассоциативной связи, которая во всяком случае позволяет считать вероятным обогащение Сострата за счет торговли с Тартессом.

Эта вероятность подкрепляется находками в иберийском регионе винных аттических амфор конца VII в. до н.э. с торговой меткой ΣΟΣ. Они найдены на атлантическом побережье Марокко в Могадоре и на берегу Орана⁴⁴. Археологический контекст находок свидетельствует о том, что керамика эта прошла через руки тартессиев или финикийцев Гадеса, но в Гадесе она должна была попасть на греческих кораблях. Торговая метка ΣΟΣ говорит о том, что это были корабли Сострата, но вряд ли того самого, чей якорь был поставлен в храме Грависки и кто торговал аттической керамикой с меткой ΣΟ. Огромные богатства, добытые Состратом Старшим, не могли быть растрочены в одном поколении. Все говорит о существовании торговой кампании, действовавшей на Западе по крайней мере на протяжении трех поколений.

До начала раскопок Грависки отношения между этрусками и посещавшими Этрурию греками можно было себе представить на основании полулегендарного рассказа о переселении в Тарквинию Демарата, одного или в сопровождении нескольких художников. Теперь же ясно, по крайней мере в отношении Тарквиний, что на прибрежной части полисной хоры, за чертой городской границы и, очевидно, за рамками порта, находился небольшой участок, выделенный чужеземцам. Здесь они могли набрать воду, здесь практиковалась и храмовая проституция. Пришельцу не приходилось и везти с собою своих богов, как поступал легендарный Эней. Здесь, на клочке территории этрусского полиса они могли принести жертву отчим богам и, прежде всего, возложить приношения на алтарь покровительницы мореплавания Афродиты, которая в силу своей универсальной материнской природы почиталась многими народами под иными именами, а местными жителями под именем Туран.

Судя по языку посвящений, большинство посетителей храма составляли ионийские мореплаватели и торговцы. Имена посвятителей говорят о том, что среди них находились и лидиец по имени Пактий и представители местного порабощенного населения. Присутствие эгинцев удостоверено надписью Сострата. Перед нами, таким образом, не эмпорий какого-либо одного греческого полиса, а своего рода международный храмовый центр, рассчитанный на всех чужеземцев, посещавших Грависку в интересах торговли или рассчитывавших обосноваться в землях этрусков. Они находились не только под покровительством богов, почитаемых также и этрусками, но и пользовались гостеприимством государства, обеспечивавшего им безопасность при соблюдении определенных, к сожалению, пока нам не известных условий. О том, что такие условия в принципе существовали, можно судить по пунктам первого римско-карфагенского договора, оговаривающим поведение римлян в карфагенском порту и карфагеняи в портах, на побережье Лация (Polyb., III, 22, 6).

⁴⁴ Публикации керамики с меткой ΣΟΣ были нам недоступны: *Jodin. Note préliminaire sur l'établissement pre-romain de Mogador.* — *Bull. d'Archéol. Marocaine*, I, 1957, p. 9—40; *Villard. Céramique grecque du Maroc.* — *ibid.*, IV, 1960. Мы пользовались ссылками на эти работы и изложением результатов раскопок в трудах: *Vallet G., Villard F. Les Phocéens en Méditerranée occidentale à l'époque archaïque et la fondation de Nyele.* — PP, 1966, p. 171; *Morel J. P. Les Phocéens en Occident.* — PP, 1966, p. 383.

Надо думать, что этруски были более гостеприимны, чем карфагеняне, державшие свои гавани под замком. Мы можем догадываться, что было причиной этрусского гостеприимства, — бесспорно, такие гости, как Сострат, были щедры не только по отношению к храму, но и к государству, которое обеспечивало беспрепятственное плавание по водам, известным своим пиратством. Очевидно, тиррены, само имя которых служило для греческих авторов синонимом пиратов, были таковыми только для тех греков, плавание которых ими не контролировалось и не приносило выгоды.

Эти же мореплаватели должны были находиться под покровительством тирренов на всем пути их следования по Тирренскому морю, а за его пределами, в районе Мессинского пролива под охраной друзей этрусков (тирренов) — сибаритов.

Античная традиция сохранила сведения о том, что Сибарис находился в особо близких отношениях с Милетом. Согласно Геродоту, после разрушения Сибариса Милет погрузился в глубокий траур (Herod., VI, 211). Менее определенны сведения о дружбе Сибариса с тирренами (Athen., XII, 519 b). На наш взгляд, документальным подтверждением дружеских отношений этрусков и Сибариса является найденный в 1961 г. договор между сибаритами и сердаями: «Соединились сибариты с союзниками и сердая в верной, нерушимой дружбе на вечные времена. Поручители: Зевс, Аполлон, другие боги и полис Посидония»⁴⁵. В тексте договора нет имени тирренов. Мы постулируем тождество тирренны-сердаи на основании незамеченного в этой связи свидетельства Феста: *reges... Etruscorum... qui Sardi appellantur* «цари... этрусков, которые называются сардами» (Fest. 430, 8—9 L). В пользу нашего предположения говорит то, что гарантом договора является Посидония, находившаяся на границе завоеванной этрусками Кампании. Характер предпринятой этрусками кампании против греческих Рим, выступление огромным войском вместе с союзными племенами (Dion. Hal., VII, 3) говорят о том, что ко времени заключения договора между Сибарисом и сардаями в военном и дипломатическом отношении действовала этрусская конфедерация (*reges Etruscorum*), а не отдельные этруссские государства⁴⁶.

Преобладание ионийцев среди посетителей храма Грависки дает основание думать, что дружеские чувства этрусков распространялись не только на сибаритов, но и на их друзей милетян, а в основе всей системы дружеских отношений находилось поддержание торгового пути «из Милета в Тартесс», функционирование которого было выгодно всем государствам, мимо владений которых проходил этот путь. Не ему ли был обязан Сибарис своим сказочным богатством?

В свете всего сказанного становится более понятным, каким ударом для этрусков было разрушение в 510 г. до н.э. Сибариса и последовавший после этого захват Мессинского пролива под предлогом борьбы с

⁴⁵ Die Staatsverträge des Altertums. II. B., Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr., bearb. von H. Bengtson. 2. Aufl. München, 1975, № 120, S. 45: ἀριβύθηεν οἱ Συβαρίται καὶ οἱ σύμμαχοι καὶ Ἐρδαῖοι ἐπὶ φιλότατι πιστῶν καὶ ἄλλοι ἀειδίον πρόξενοι ὁ Ζεὺς καὶ Ὀπέλον καὶ ἄλλοι θεοὶ καὶ πόλις Ποσειδανία.

⁴⁶ Предлагаются иные истолкования *Ἐρδαῖοι*. Открыватель надписи Э. Кунце считает, что под сардаями следует понимать город, чеканивший монету с легендой МЕР, которую можно также читать: ΣΕΡ (*Kunze E. VII Olympia-Bericht. 1961, S. 207—210*). Ж. Эргон полагает, что сердая — небольшой народ, живший на полпути между Сибарисом и Посидонией (*Heurgon J. Rome et la Méditerranée Occidentale. P., 1969, p. 173*). П. Занкани-Монтуоро справедливо замечает, что могущественный Сибарис не мог заключить договор с государством или народом столь незначительным, что традиция не сохранила о нем никаких данных (*Zancani Montuoro P. Sibarier e Serdei. — AANL, XVIII, 1962, p. 11 s.*). Но и ее предположение, что это обитатели Сардинии, — маловероятно. В Сардинии был не один, а много народов, не составлявших какую-либо конфедерацию. Но если бы договор мог быть заключен с обитателями Сардинии, они бы обозначались не *Ἐρδαῖοι*, а *Σαρδόνιοι*, *Σαρδιανοί*. Сардиния была сферой влияния этрусков и Карфагена, что также исключает возможность заключения договора между Сибарисом и сардинцами. Наконец, будь такой договор заключен, его поручителем со стороны сардинцев должен бы быть *Sardus pater*.

«тирренскими пиратами»⁴⁷. Для этрусских торговцев становились недо-ступными восточные рынки и одновременно перерезался идущий через Си-барис и Регий путь в Этрурию, а оттуда в Тартесс. В Этрурии, как отме-чает А. Джонстон, исчезает керамика с меткой и объясняет это ухудше-нием отношений между Эгиной и Афинами⁴⁸. На наш взгляд, причина этого — захват Мессинского пролива враждебными этрускам государст-вами. Наступает конец не только этрусской талассократии, но и роли Этрурии в торговле с Тартессом, как непосредственной, так и транзитной.

Начальный период существования греческого храма в Грависках, как мы видим, совпадает с эпохой этрусской талассократии. Наплыв гре-ков в тарквинийский порт не противоречил господству этрусков на морях. В это же время греки, естественно, принимают и во внутреннюю часть Этрурии, где их положение было иным, чем в эмпории. Среди эпитафий конца VII в. до н. э. встречаются такие имена, как *rutile hipocrates* (TLE, 155) или *larthaia telicles* (TLE, 761). Гиппократ и Телек — это чисто греческие имена, но их сочетание с *rutile* и *larthaia* как будто свидетель-ствует о том, что греки, селившиеся среди этрусков, подвергались этрус-кизации. Об этом говорит и пример Демарата, вошедшего в этрусское общество благодаря браку с этрусской женщиной, но и при этом его сын Лукумон чувствовал себя в Тарквинии настолько неуютно, что предпо-чел переселиться в Рим.

С трудом допуская в свою среду чужеземцев этрусские *principes*, как повсеместно называет Ливий этрусскую верхушку, охотно открывали двери своих домов греческому образу жизни — мифологии, искусству. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют погребальные фрески, рельефы на саркофагах, изображения на зеркалах, дорогая коринфская или аттическая посуда⁴⁹. Это предметы престижа, возвышающие их об-ладателей над согражданами. О влиянии греческой культуры говорит также то, что два этрусских государства Цере и Спина имели свои сокровищницы в общегреческом центре Дельфах⁵⁰. В этрусский язык именно в это время проникает множество слов греческого происхождения, глав-ным образом, названий сосудов и предметов роскоши⁵¹.

Воспринимая греческое влияние в различных сферах культуры, принимая греческую верхушку в свои ряды и трансформируя ее в «этрус-ков», господствующий класс этрусских полисов с редким упорством за-щищал свои экономические и политические позиции в войнах с теми гре-ческими государствами, которые стремились вытеснить этрусков с морей и захватить пути, ведущие на Запад. Но это уже другая страница этрус-ской истории, требующая особого исследования.

А. И. Немировский

⁴⁷ Ряд авторов сообщает о захвате власти тираном Регия Анаксилаем и об осно-вании им на противоположном сицилийском берегу города Занклы (*Herod.*, VII, 165; *Diod.*, XV, 65, 5). Страбон указывает на превращение Анаксилаем мыса Скиллей в уакой части пролива в крепость для борьбы с тирренскими пиратами (*Strabo*, VI, 1, 5). Но и торговое судно могло быть объявлено пиратским, как это явствует из судьбы римского корабля, отправленного в Дельфы с мирным поручением и захваченного в этом районе в качестве «пиратского корабля» (*Plut.*, *Camill.* 8).

⁴⁸ *Johnston*. *Op. cit.*, p. 420.

⁴⁹ О влиянии греческой мифологии на этрусское искусство см. *Simon E. Griechische Sagen in der frühen etruskischen Kunst*. Tübingen, 1964; *Маглев Е. В.* Греческие мифы в Этрурии (О понимании этрусскими греческих изображений). — В сб.: *Антич-ный мир и археология*. Саратов, 1979, с. 82 сл.

⁵⁰ О сокровищнице Цере (Агиллы) см. *Strabo*, V, 2, 3, ср. *Herod.*, I, 167; о сокровищнице Спины: *Strabo*, V, 1, 7; *Dion. Hal.*, I, 18; *Plin.*, N. H. III, 16.

⁵¹ Обобщение данных о греческом влиянии в области языка см. *Simone C. de. Die griechische Entlehnungen im Etruskischen*. B. I—II. Wiesbaden, 1968—1970.

A GREEK MEMPORIUM IN AN ETRUSCAN PORT

A. I. Nemirovsky

Excavations of Graviscae, the port town of the large Etruscan centre Tarquinii, have for the first time provided a sufficiency of solid material on which to base fresh consideration of a long discussed problem, that of the Etruscans and the Greeks. Dedications in Greek and Etruscan in the temple of Aphrodite-Turan reflect the multi-tribal character of the port population, the dominant culture being Greek. Prosopographic analysis of the dedicators shows that besides the Greeks, the town was inhabited, permanently or for some time, by Lydians and Umbrians. Of particular interest is the first inscriptional occurrence of the name *Ληθαίος*. The author suggests a connection between this name and one of the four Pelasgian names known to Homer, *Ληθαίοιοσ* (*Il.* XI 840 — 843) and with the numerous examples of the names *Lethe*, *Lethia* in Etruscan inscriptions, belonging to members of the Etrurian population who in the 6th and 5th centuries did not have full rights in the community. Study of these data convinced the author of the authenticity of the ancient tradition about the subjugation of the Pelasgians by the Tyrrhenians. The fact that the people whom Dionysius called *penestae* (*D. Hal.* IX 5, 4) were in large part Pelasgi justifies his use of the term, which came from Thessaly, the original homeland of the Pelasgians.

The inscription of *Sostratos*, dedicated to *Apollo*, is related by the author by its type to the dedications to *Apollo Agyieus* (god of streets and ways). Following other scholars, the author identifies the *Sostratos* of the inscription with the *Aeginetan Sostratos* son of *Laodamas*, known to *Herodotos* (*IV* 152, 3) as a very great trader, and with the trader in Attic pottery of the end of the 6th century whose goods are marked with the letters *ΣΟ*. The *Graviscae* inscription and what is known of Etruscan relations with *Sybaris* allow the conjecture that the route from *Aegina* to *Tartessus* passed through *Sybaris* and *Graviscae*.